

И. С. СИДОРОВ

ДВЕ ЗАМЕТКИ О ПУШКИНСКОМ «ПОЛКОВОДЦЕ»

«Полководец», опубликованный осенью 1836 г. в третьем томе «Современника», не был обойден вниманием читателей и критиков. Он не был обойден и вниманием пушкинистов. Но, подобно многим другим поздним пушкинским произведениям, он настолько многогранен и много слоен, что его изучение далеко не завершено.

Вот еще несколько наблюдений и замечаний, к нему относящихся.

1

Пушкин датировал рукопись «Полководца» 7-м апреля 1835 г.

В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский в фундаментальной статье, посвященной «Полководцу», писали: «В судьбе Барклая могло Пушкину почудиться что-то сходное с его собственной судьбой. Заключительные слова „Полководца“ в 1835 г. были для Пушкина полны глубокого личного смысла» (1939, 141). Вот эти слова:

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиление!

(Пушкин 1948, 3, кн. 1: 380)

Первые две из приведенных выше строк в близкой редакции были также записаны Пушкиным отдельно, в так называемой «арзрумской тетради» (ПД № 841):

О люди! низкий род! достойный слез и смеха!
Жрецы Минутного, поклонники Успеха —

(Пушкин 1949, 3, кн. 2: 961)

Н. Н. Петрунина отмечает: «Запись двух стихов явилась зерном, из которого выросло стихотворение» (1974, 284). Когда же были записаны эти два стиха? По мнению Н. Н. Петруниной, «положение в тетради не дает оснований для датирования» (1974, 283).

Я. Л. Левкович пришла к выводу, что в «арзрумской тетради» «Пушкин работает <...> в 1829—1831 гг., и только две записи относятся к 1836 г.» (1986, 243). Она так комментирует замечание Н. Н. Петруниной: «В 1835 г. (к этому году относится „Полководец“) Пушкин за тетрадь не брался, и если это запись 1835 г., то она в ней единственная. Может быть, эти две строчки первоначально были связаны с арзрумской поездкой и относились к другому деятелю — опальному и забытому А. П. Ермолову?» (1986, 247 примеч. 19). Предположение о неявном присутствии Ермолова в образном плане стихотворения мне представляется совершенно справедливым (об этом еще будет сказано ниже), но зато некоторое недоумение вызывает утверждение о том, что в 1835 г. Пушкин за тетрадь не брался.

Именно в апреле 1835 г., за несколько дней до написания «Полководца», Пушкин закончил работу над «Путешествием в Арзрум», во время которой он не просто «брался» за «арзрумскую тетрадь», но использовал ее очень активно. Можно сказать, что в это время она постоянно находилась на его рабочем столе. Достоинно внимания то, что с двумя строками «Полководца», записанными в «арзрумской тетради», а также с последующими заключительными строками переключаются размышления Пушкина о судьбе Грибоедова во второй главе «Путешествия».

Сравним:

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиление!

Люди *верят только Слав* и не понимают, что между ними может находиться какой-нибудь Наполеон <...> или другой Декарт <...>

(Пушкин 1940, 8, кн. 1: 461)¹

Правда, строка *Над кем ругается слепой и буйный век*, справедливая по отношению к Барклаю, вроде бы не имеет отношения к Грибоедову. В окончательной редакции это действительно так, но сопоставим черновой вариант данной строки: **В кого не верует его надменный век** (Пушкин 1949, 3, кн. 1: 961) — с размышлениями о Грибоедове из «Путешествия в Арзрум»: «Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку **недоверчивости** <...> **когда случалось им говорить о нем** как о человеке необыкновенном» (Пушкин 1940, 8, кн. 1: 461).

Эти сопоставления позволяют предположить, что две строки, впоследствии вошедшие в стихотворение «Полководец», могли появиться

в «арзрумской тетради» в 1829—1830 г., в период ее активного заполнения, как результат размышления над судьбой Ермолова, Грибоедова, да и своей собственной, а в 1835 г., уже во время работы над «Путешествием в Арзрум», они могли попасться Пушкину на глаза². Но эти строки могли возникнуть и в 1835 г., явившись одним из следствий работы над эпизодом встречи с телом Грибоедова: или непосредственно в процессе работы над «Путешествием», или по ее окончании³. Ничто не мешало Пушкину записать два только что сочиненных стиха в находившуюся под рукой «арзрумскую тетрадь». Однако и в том, и в другом случае эти стихи так или иначе связаны с работой Пушкина над «Путешествием»⁴.

Но не только воспоминания о Ермолове и Грибоедове могли перекликаться с размышлениями о судьбе Барклая. В этих размышлениях можно обнаружить также присутствие других кавказских впечатлений и даже их стихотворных воплощений.

Сравним еще два фрагмента. Первый, из стихотворения «Кавказ» (1829—1830), описывает Терек, второй, из «Полководца», характеризует Барклая:

Играет и воеет, как зверь молодой, <i>Завидевший пищу</i> из клетки железной; И бьется о берег в вражде бесполезной, И лижет утесы голодной волной..... В о т щ е! <...>	Там, устарелый вождь! как ратник молодой, Свинца веселый свист слышавший впервые, Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, — В о т щ е! —
--	---

(Пушкин 1948, 3, кн. 1: 379)

(Пушкин 1948, 3, кн. 1: 196)

Здесь, помимо совпадения слов и оборотов, мы видим разительное сходство синтаксических конструкций.

Характерно, что в беловом автографе процитированного фрагмента «Полководца» не было такого близкого сходства с описанием Терека (хотя два из четырех выделенных отрезков текста в нем уже присутствовали):

Там, устарелый вождь! как ратник молодой,
Искал ты умереть средь сечи боевой.
В о т щ е!

(Пушкин 1948, 3, кн. 1: 379)

Но затем Пушкин переработал это место, усилив (может быть, невольно) его сходство с «Кавказом».

Приведенные сопоставления «Полководца» с «грибоедовским эпизодом» из «Путешествия в Арзрум» и с фрагментом стихотворения

«Кавказ» свидетельствуют, мне кажется, о том, что «Полководец» создавался на фоне только что законченной работы над «Путешествием», на фоне вызванных этой работой и еще не остывших воспоминаний о поездке 1829 г.

2

Помимо проблемы взаимоотношений выдающегося человека с толпой, не понимающей его замыслов и не признающей его правоты, Пушкина, без сомнения, глубоко трогала и проблема взаимоотношений этого человека с тем, кто «на полу-пути» его сменяет и кому он должен

Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко <...>

(Пушкин 1948, 3, кн. 1: 379)

Эта тема привлекала внимание Пушкина еще задолго до «Полководца». В. П. Старк заметил, что «однажды эта тема — трагедия полководца — уже прозвучала в стихах Пушкина, не включенных в окончательный текст. Они примыкают к XXXIV строфе шестой главы „Евгения Онегина“ (где речь идет о Ленском, убитом на дуэли). Исключенные строки были посвящены графу П. А. Строганову, в чине генерал-лейтенанта командовавшему армией в битве под Кроаном 23 февраля 1814 г., когда французской армией предводительствовал сам Наполеон. Многие годы „русский якобинец“ П. А. Строганов лелеял мечту о непосредственном столкновении с французским императором на поле брани. Наконец, это произошло, план сражения был составлен П. А. Строгановым, но случай лишил его лавров победителя. В этом сражении погиб единственный сын генерала Александр Строганов — ядром ему оторвало голову. Отец был вынужден уступить командование сражением, исход которого был уже предрешен, графу М. С. Воронцову» (Старк 1988, 154—155). Пушкин пишет:

И предал славе ты чужой
Успех, ободренный тобой.

(Пушкин 1937, 6: 412)

Эти онегинские строки В. П. Старк сравнивает с «Полководцем»:

Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей.

(Пушкин 1948, 3, кн. 1: 379)

Наблюдение В. П. Старка совершенно справедливо, но знакомство с известными вариантами соответствующих строк «Полководца» показывает, что Пушкина, очевидно, не вполне удовлетворяли найденные им формулировки: Кутузов называется то преемником, то соперником Барклая. При публикации стихотворения в «Современнике» Пушкин вообще исключает фрагмент:

Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей. — А ты, непризнанный, забытый
Виновник торжества, почил — и в смертный час
С презреньем, может быть, воспоминал о нас!

(Пушкин 1948, 3, кн. 1: 379)

Заметим, что, помимо взаимоотношений Барклая с Кутузовым или Строганова с Воронцовым, Пушкину были известны и другие схожие ситуации, причем в двух из них фигурировал И. Ф. Паскевич.

1826 год. Персы вторгаются в Закавказье. Николай I недоволен действиями А. П. Ермолова и посылает на Кавказ И. Ф. Паскевича. 13 сентября войска, которыми командует Паскевич, одерживают под Гянджой победу над противником, превосходящим их по численности более чем в четыре раза (8 тысяч против 35). Но что стоит за этой победой? По свидетельствам современников, перед сражением Паскевич — в нерешительности и даже в растерянности (см., например, Толстой 1996, 212—213). Победа была одержана только благодаря действиям соратников Ермолова — генералов А. А. Вельяминова и В. Г. Мадатова — и героизму солдат, воспитанных Ермоловым. Эта победа придает уверенности Паскевичу. В марте 1827 г. Ермолов отправлен в отставку, а Паскевич с успехом завершает войну с Персией, а затем и с Турцией. Бывший тогда начальником Главного штаба генерал И. И. Дибич, присланный Николаем I на Кавказ для разбора конфликта между Ермоловым и Паскевичем, позже напишет, что «послѣ того порядка, въ какомъ послѣ Ермолова находился край, и того Екатерининскаго и Суворовскаго духа, которымъ Паскевичъ засталъ одушевленнымъ войско, было легко пожинать лавры» (цит. по: АКК, XI).

Итак, Ермолов, выпестовавший войско, полностью устранен от дел и находится в опале, а Паскевич, командуя этим войском, одерживает в Закавказье победы, принесшие ему титул графа Эриванского и чин генерал-фельдмаршала. В этой ситуации военачальники действительно выступали как соперники, и смена Ермолова Паскевичем не обошлась без интриг. Пушкин очень близко был знаком с этой коллизией. Еще до поездки на Кавказ он в Петербурге тесно общается с Грибоедовым,

непосредственным свидетелем конфликта между двумя военачальниками. По дороге на Кавказ Пушкин заезжает к опальному Ермолову и выслушивает его мнение о Паскевиче, а затем в течение нескольких недель непосредственно наблюдает за деятельностью Паскевича и общается с ним, а также с оставшимися под командованием Паскевича соратниками Ермолова. Поэтому предположение Я. Л. Левкович о том, что Пушкин мог вспомнить о Ермолове, когда писал «Полководца», кажется мне весьма правдоподобным.

В 1831 г. возникает еще одна похожая ситуация, участником которой вновь оказывается Паскевич. В ноябре предыдущего года восстает Польша. Во главе войск, направленных на подавление восстания, стоит упомянутый выше И. И. Дибич (к этому времени — уже фельдмаршал). Неблагоприятные погодные условия (неожиданные оттепели среди зимы, расстроившие дороги) и некоторые тактические просчеты приводят к тому, что кампания затягивается. В обществе распространяются самые неблагоприятные слухи о Дибиче и состоянии его войск. Как известно, и Пушкин с большим беспокойством следил за развитием событий, опасаясь вмешательства европейских держав и начала новой войны. Наконец, Дибичу удается переломить ситуацию. 14 мая 1831 г. он одерживает важную победу под Остроленкою и готовится к решительным операциям, но, как писал биограф И. И. Дибича, «фельдмаршалу не пришлось самому привести въ исполненіе своихъ предположеній: неожиданная смерть <29 мая> постигла Дибича въ то время, когда почти всѣ трудности компаніи <sic!> были пережиты и омраченная слава замѣчательнаго воина должна была возсіять полнымъ блескомъ; плодами трудовъ его воспользовался другой главнокомандующій, графъ Паскевичъ, докончившій польскую кампанію» (Российский 1905, 368). Паскевичу это принесло титул светлейшего князя Варшавского, славу и даже лестные строки самого Пушкина в стихотворении «Бородинская годовщина», написанном в связи со взятием Варшавы.

В отличие от кавказской коллизии, в данном случае Паскевич выступал не как соперник, а именно как преемник Дибича, на место которого он был назначен после его смерти.

Полагаю, что Пушкин, создавая «Полководца», мог всё это иметь в виду.

Полагаю также, что размышления на эту тему не покидали поэта и в течение последующих месяцев. В марте 1836 г. он посещает мастерскую скульптора Б. И. Орловского, где видит модели памятников Кутузову и Барклаю, которые должны быть установлены перед Казан-

ским собором в Петербурге, и 25 марта пишет стихотворение «Художнику», в котором, кажется, наконец находит удовлетворяющую его формулировку:

Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов.

(Пушкин 1948, 3, кн. 1: 416)

А. Г. Тартаковский справедливо пишет: «<...> Пушкин в краткой поэтической строке дал предельно точную формулу своего понимания спасительной миссии каждого из них в 1812 г.» (1996, 376). Но, в отличие от А. Г. Тартаковского и ряда других исследователей, я считаю, что, приняв эту формулу, Пушкин не только определил роли полководцев в спасении России, но и вообще из своего понимания взаимоотношений полководцев исключил формулу соперничества. Не «соперники Барклай и Кутузов», и не просто «Кутузов — преемник Барклая», а «зачинатель Барклай и совершитель Кутузов»⁵.

Заметим (пользуясь словами В. А. Мануйлова и Л. Б. Модзалевского), что и в этой ситуации Пушкину могло почудиться что-то сходное с его собственной судьбой⁶.

Так, в альманахе «Северные цветы на 1829 год» за подписью Тита Космократова была напечатана повесть «Уединенный домик на Васильевском». Тит Космократов — это псевдоним литератора В. П. Титова. Как известно, Пушкин имел к этой повести самое прямое отношение. Чтобы не пересказывать своими словами то, что уже хорошо изложено, позволю себе привести большую цитату из работы В. Ф. Ходасевича, включающую и рассказ В. П. Титова:

«Въ воспоминаніяхъ бар. И. А. Дельвига помѣщено письмо самого Титова, излагающее исторію повѣсти. Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ того, какъ „Уединенный домикъ“ былъ напечатанъ, Титовъ (онъ же Титъ Космократовъ) рассказываетъ:

„Въ строгомъ историческомъ смыслѣ это вовсе не продуктъ Космократова, а Александра Сергѣевича Пушкина, мастерски рассказавшаго всю эту чертовщину уединеннаго домика на Васильевскомъ островѣ, поздно вечеромъ, у Карамзиныхъ, къ тайному трепету всѣхъ дамъ... Апокалипсическое число 666, игроки-черти, метавшіе на карту сотнями душъ, съ рогами, зачесанными подъ высокіе парики, — честь всѣхъ этихъ вымысловъ и главной нити рассказа принадлежитъ Пушкину. Сидѣвшій въ той же комнатѣ Космократовъ подслушалъ, воротясь домой, не могъ заснуть всю ночь и нѣсколько времени спустя положилъ съ памяти на бумагу. Не желая, однако, быть ослушникомъ ветхоза-

вѣтной заповѣди „не укради“, пошелъ съ тетрадью къ Пушкину въ гостинницу „Демуть“, убѣдилъ его прослушать отъ начала до конца, воспользовался многими, понинѣ очень памятными его поправками и потомъ, по настоящему желанію Дельвига, отдалъ въ „Сѣверные цвѣты“.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло не съ непосредственнымъ созданиемъ самого Пушкина: написанъ „Уединенный домикъ“ не имъ, а Титовымъ. Однако, не только замыселъ и фабула повѣсти, но и нѣкоторыя детали ея принадлежать великому поэту <...> Мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ, сдѣлалъ ли Титовъ въ этой фабулѣ какія-либо измѣненія, или же она была рассказана Пушкинымъ именно такъ, какъ „Тигъ Космократовъ“ записалъ ее. Судя по приведенному выше письму, существеннымъ измѣненіямъ она не подверглась. Не узнаемъ мы и того, какихъ именно мѣсть коснулась Пушкинская рука въ печатной редакціи „Уединеннаго домика на Васильевскомъ“.

Трудно гадать и о томъ, съ какимъ чувствомъ Пушкинъ сдѣлалъ Титову свой подарокъ. Уступилъ ли онъ планъ повѣсти оттого, что не придавалъ ему большой цѣны? Постѣснялся ли отказать расторопному поклоннику, явившемуся съ готовой записью? Уступилъ ли, наконецъ, „ласковому насилію“, мысленно пожавъ плечами и обозвавъ Титова крѣпкимъ словомъ? Какъ бы то ни было — повѣсть досталась Титову, тотъ напечаталъ ее въ альманахѣ Дельвига, и Пушкинъ не только не протестовалъ, но и внесъ въ рукопись какія-то поправки. Однако, изъ этихъ предположеній наименѣе вѣроятно первое: Пушкинъ врядъ ли съ особой легкостью отказался отъ повѣсти» (Ходасевич 1915, 6—8).

Итак, соглашаясь с этимъ мнением В. Ф. Ходасевича, можно сказать, что «замысел, обдуманый глубоко», Пушкин «безмолвно уступил» Титову. Пушкин — зачинатель, Титов — совершитель.

В 1833 г., во время поездки по пугачевскимъ местам, Пушкин рассказывает В. И. Далью сказку о Георгии Храбромъ и о волке, а Даль в 1836 г. публикуетъ ее в февральской книжке «Библиотеки для чтенія». Правда, в этомъ случае замысел не принадлежит и Пушкину — он слышалъ эту сказку отъ какого-то калмыка, но все-таки по отношению к публикации сказки Пушкин выступаетъ снова в роли зачинателя, а Даль — в роли совершителя⁷.

В эти же годы подобные взаимоотношения неоднократно возникаютъ между Пушкинымъ и Гоголемъ. Напомню слова изъ письма Гоголя къ М. П. Погодину от 18 (30) марта 1837 г.: «Ничего не предпринимал, ничего не писалъ я безъ его совета. Всѣ, что есть у меня хорошаго, всемъ

этим я обязан ему» (1952, XI: 91). Последние слова в особенности касаются 1835—1836 гг., то есть времени написания и публикации «Полководца». В 1835 г. Пушкин передает Гоголю сюжеты «Мертвых душ» и «Ревизора». Гоголь сам свидетельствовал об этом позже: «Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец <...> отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то в роде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет Мертвых душ. (Мысль Ревизора принадлежит также ему)» (1952, VIII: 439—440).

В воспоминаниях П. В. Анненкова сообщается: «Известно, что Гоголь взял у Пушкина мысль „Ревизора“ и „Мертвых душ“, но менее известно, что Пушкин не совсем охотно уступил ему свое достояние. Однако ж в кругу своих домашних Пушкин говорил, смеясь: „С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя“» (1983, 59).

Если Пушкину не пришлось быть свидетелем той славы, которую принесли Гоголю «Мертвые души», то первые чтения «Ревизора» Гоголем на вечерах у Жуковского, вызвавшие одобрение и самого Пушкина, и близких ему литераторов, а затем первые представления и успех «Ревизора» у публики приходятся именно на весну 1836 г., когда Пушкин пишет стихотворение «Художнику» и готовит публикацию «Полководца».

И в случае с «Ревизором», и в случае с «Мертвыми душами» Пушкин Гоголю «безмолвно уступил» (вспомним: «обирает меня так, что и кричать нельзя») «и лавровый венец <...> и замысел, обдуманый глубоко». Зачинатель — Пушкин, совершитель — Гоголь!

Но вернемся к «Полководцу».

Осмелюсь предположить, что именно после стихов, адресованных «Художнику», найдя удовлетворившую его формулировку и готовя публикацию «Полководца» в «Современнике», Пушкин убрал строки, в которых фигурировали то «преемник», то «соперник» и содержание которых (*Преемник твой стяжал успех, сокрытый // В главе твоей*) в значительной мере дублировало содержание расположенных выше строк (<...> *был должен наконец // Безмолвно уступить и лавровый венец, // И власть, и замысел, обдуманый глубоко <...>*)⁸. Широко признано, что Пушкина в характере Барклая прежде всего привлекал стоицизм: именно поэтому, как справедливо заметил В. П. Старк (1988, 153), слова *другому, наконец, был должен уступить* Пушкин исправил: *был должен наконец безмолвно уступить*⁹. Для усиления

стоических черт в характеристике отстраненного полководца могло служить также изъятие строк:

А ты, непризнанный, забытый
 Виновник торжества, почил — и в смертный час
 С презреньем, может быть, вспоминал о нас!

Если стоик, верящий в свое предназначение, «обретает спокойствие» и «тщетное волнение об успехе чуждо его душе» (Старк 1988, 153), то не будет он с презреньем вспоминать (тем более — в смертный час) тех, кто когда-то не воздал ему должных почестей. Это скорее свойственно пусть сильному, но честолюбивому, а не стоическому характеру.

Таким образом, многое, на мой взгляд, подтверждает вывод, сделанный Н. Н. Петруниной: «И в художественном и в смысловом отношении „Полководец“ выиграл от предпринятого Пушкиным сокращения. Нет никаких оснований думать, что поэт по тем или иным соображениям дорожил исключенным фрагментом и что купюра была вынужденной» (1974, 297).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В цитатах из Пушкина все слова и выражения выделены мною. — И. С.

² С. А. Фомичев высказал гипотезу, что эпизод встречи Пушкина с телом убитого Грибоедова «был написан в качестве самостоятельного произведения и значительно раньше всего текста „Путешествия в Арзрум“, а потом (может быть, в слегка доработанном виде) вставлен в рукопись путевых записок» (1998, 380). Исследователь предполагает, что первоначальный текст эпизода был готов к публикации уже в 1830 г. Обратим внимание на два места в тексте этого эпизода, вроде бы свидетельствующие в пользу справедливости такого предположения. Вот начало «мемуарной» части размышлений Пушкина о Грибоедове: «Я расстался с ним **в прошлом году**, в Петербурге, пред отъездом его в Персию» (Пушкин 1940, 8, кн. 1: 460). Затем Пушкин рассказывает о предчувствии Грибоедова, что в Персии «дело дойдет до ножей», и пишет: «Он полагал, что причину кровопролития будет смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но **престарелый шах еще жив**, а пророческие слова Грибоедова сбылись» (Пушкин 1940, 8, кн. 1: 461). Пушкин расстался с Грибоедовым в Петербурге в 1828 г., следовательно слова *в прошлом году* вроде бы говорят о том, что они были написаны в 1829 г. (в 1835 г. Пушкину естественнее было бы написать, например: «за год до этого»). А утверждение, что «престарелый шах еще жив», как будто бы указывает на то, что оно сделано не позднее 1834 г., так как шах умер именно в этом году (в 1835 г. Пушкин мог бы, например, написать: «престарелый шах **был еще жив**»). Говоря об этих свидетельствах в пользу гипотезы С. А. Фомичева, я употребляю выражения *вроде бы* и *как будто*, поскольку остается вероят-

ность, что Пушкин в 1835 г. мог стилизовать текст под записки 1829 г. А потому чтобы принять выдвинутую С. А. Фомичевым гипотезу, было бы желательно найти более надежные аргументы (аргументы самого С. А. Фомичева, к сожалению, недостаточно убедительны).

³ В пользу того, что, по крайней мере, заключительная часть «грибоедовского эпизода» писалась или дорабатывалась не ранее 1835 г., можно привести следующее. Еще в 1980 г. Ю. П. Фесенко указал на парафрастическую полемику этой части эпизода с вышедшей в начале 1835 г. (цензурное разрешение от 26.I.1835) книгой Ф. В. Булгарина «Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни». Прообразом одного из персонажей этой книги — Александра Сергеевича Световидова — послужил Грибоедов (см. Фесенко 1980, 45—46; 1983, 109). В свою очередь, В. А. Мильчина (1987, 251—252) обнаружила «несомненную общность» между той же частью эпизода из «Путешествия в Арзрум» и одним фрагментом романа Сент-Бёва «Сладострастие», который вышел в 1834 г.

⁴ Наиболее вероятную датировку записи этих строк в «арзрумскую тетрадь» предложила Н. Н. Петрунина — 7 апреля 1835 г. Под первым черновым автографом «Полководца» Пушкин первоначально поставил дату 16 апреля, но потом исправил ее на 7 апреля и отметил, что это было Светлое воскресенье, то есть Пасха. На этом основании Н. Н. Петрунина справедливо, на мой взгляд, заключила: «По-видимому, 7 апреля — день возникновения не черного автографа, а первой мысли стихотворения. Можно предположить, что именно к этому дню относится запись двух стихов в тетради ПД, № 841. Для творческого сосредоточения поэта день пасхи не оставлял времени, поэтому, сделав набросок для памяти, он отложил осуществление своего замысла» (1974, 287) и вернулся к нему уже 16 апреля.

⁵ «Словарь языка Пушкина» так определяет значение слова *совершитель*: «Тот, кто выполнил, осуществил, претворил в жизнь что-н.» (СП, 253). Наверное, точнее было бы сказать, что *совершитель* — это 'тот, кто окончил что-л.' (в противоположность *зачинателю*). Немаловажно, что *начальником* (то есть 'начинателем') и *совершителем* (*веры*) в Послании ап. Павла к евреям (12, 2) назван Иисус. В греческом тексте в этом месте употреблены слова *ἀρχηγός* 'служащий началом чего-л.' и *τελειωτής* 'тот, кто исполняет или завершает что-л.' (последнее слово представляет новозаветный *haraх legomenon*). Этими сведениями я обязан И. А. Пильщикову. О других новозаветных аллюзиях в стихотворении «Полководец» см. Старк 1988, 152; Проскурин 1999, 243—249.

⁶ О. А. Проскурин, указавший на многочисленные переключки между рукописной редакцией «Полководца» и пушкинскими стихотворениями, посвященными теме поэта и поэзии («Поэт и толпа», 1828; «Поэт», 1830), пришел к выводу, что в «Полководце» Пушкин проводит параллель между участием Барклая и своей собственной судьбой: «Стихотворение „о другом“ оказалось вместе с тем и стихотворением „о себе“» (Проскурин 1999, 262, ср. 261).

⁷ При позднейших публикациях Даль указывал, что эту сказку рассказал ему Пушкин.

⁸ Такое понимание противоречит мнению ряда исследователей о том, что пушкинская запись «Полководец» в альбоме великой княгини Елены Павловны (а именно здесь присутствует слово *соперник*, равно как и опущенные в «Современнике» строки) была сделана уже после публикации стихотворения. Во-первых, в настоящее время нет никаких объективных аргументов для датировки этой записи с достаточной точностью. А во-вторых, даже если выяснится, что запись в альбоме действительно была сделана уже после публикации в «Современнике», это еще не означает, что она отражает последнюю авторскую волю Пушкина, так как нам неизвестно, из каких соображений, преследуя какую цель, Елена Павловна могла просить поэта записать уже опубликованное стихотворение именно в этой редакции. Я согласен с утверждением Н. Н. Петруниной: «<...> Перед нами именно альбомный автограф, вызванный к жизни особыми условиями и преследовавший специальную цель» (1974, 301).

⁹ Разделяя мнение В. П. Старка по поводу этой замены, хочу только отметить, что она могла попутно иметь и стилистическую задачу. В выражении *уступить другому* слово *другому* — лишнее, так как его семантика уже содержится в слове *уступить*. Нельзя уступить власть или собственный замысел самому себе. Поэтому глагол *уступить* либо не требует дополнения, либо имеет при себе конкретное указание на того, кому уступают, или на то, чему уступают.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АКК — *Акты<, > собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею: Архив Главного Управления Наместника Кавказского*, Тифлис, т. VII, Издан под редакциею Председателя Комиссии д. с. с. Ад. Берже.
- Анненков, П. В.: 1983, *Литературные воспоминания*, Вступительная статья В. И. Кулешова, Комментарии А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. Б. Павловой, Москва.
- Гоголь, Н. В.: 1952, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград], т. VIII, XI.
- Левкович, Я. Л.: 1986, 'Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841: (История заполнения)', *Пушкин: Исследования и материалы*, Ленинград, т. XII, 243—277.
- Мануйлов, В. А., Л. Б. Модзалевский: 1939, '«Полководец» Пушкина', *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, Москва — Ленинград, [вып.] 4/5, 125—164.
- Мильчина, В. А.: 1987, 'Французская литература в произведениях Пушкина 1830-х годов', *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, т. 46, № 3, 244—254.
- Петрунина, Н. Н.: 1974, '«Полководец»', *Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика*, Ленинград, 278—305.
- Проскурин, О.: 1999, *Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест*, Москва (= Новое литературное обозрение. Научное приложение; Вып. XVII).
- Пушкин: 1937—1949, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград] 1937, т. 6; 1940, т. 8, [кн.] 1; 1948, т. 3, [кн.] 1; 1949, т. 3, [кн.] 2.

- Российский, М.: 1905, 'Дибич-Забалканский', *Русский биографический словарь*, Санкт-Петербург, т. [6]: Дабелов — Дядьковский, 353—370.
- СП — *Словарь языка Пушкина: В 4 т.*, Москва 1961, т. IV: С — Я.
- Старк, В. П.: 1988, 'К истории создания стихотворения «Полководец»', *Временник Пушкинской комиссии: Сборник научных трудов*, Ленинград, вып. 22, 149—158.
- Тартаковский, А. Г.: 1996, '«Стоическое лицо Барклая...»', *Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацуро*, Москва 1995—1996, 366—384 (= Новое литературное обозрение. Научное приложение; Вып. VI).
- Толстой, В. С.: 1996, 'Характеристики русских генералов на Кавказе', *Российский Архив: (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.)*, Москва, вып. VII, 202—244.
- Фесенко, Ю. П.: 1980, *Грибоедов и Пушкин: Творческие взаимосвязи: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Ленинград (Ленинградский государственный университет).
- Фесенко, Ю. П.: 1983, 'Пушкин и Грибоедов: (Два эпизода творческих взаимоотношений)', *Временник Пушкинской комиссии. 1980*, Ленинград, 101—113.
- Фомичев, С. А.: 1998, '«Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум» Пушкина', *А. С. Грибоедов: Хмелитский сборник*, Смоленск, 374—383.
- Ходасевич, В.: 1915, 'Петербургские повести Пушкина', Пушкин, Титов, *Уединенный домик на Васильевском: Повесть*, Москва, 3—33 (= Универсальная библиотека; № 1129).